2021-03-15 **Сергей Обухов – «Свободной прессе»: Про борьбу с коррупцией по-русски: Не виноватый я, взятка сама в карман упала**

Законопроект правительства о «нечаянной коррупции» выглядит откровенной насмешкой.

Если антикоррупционные нормы российского законодательства нарушаются в результате форс-мажорных обстоятельств, то человека можно освободить от ответственности за это преступление. Такой вывод следует из законопроекта, который одобрила в первом чтении Госдума 10 марта с.г.

Как уточняется в пояснительной записке к документу (имеется в распоряжении «СП»), по мнению правительства Российской Федерации, под таковыми следует понимать стихийные бедствия (землетрясения, наводнения, ураганы, пожары), массовые

заболевания, военные действия, террористические акты и забастовки. Отдельной строкой также упоминается введение органами власти ограничительных мер, в условиях которых человек не по своей воле может стать соучастником коррупционного правонарушения.

Действие законопроекта предполагается распространять на чиновников, судей, прокуроров, военнослужащих и другие категории госслужащих, а также физических лиц.

Выглядит эта инициатива, уже окрещенная в СМИ «законом о нечаянной коррупции», на первый взгляд, довольно странно. Ведь еще в июне прошлого года генпрокурор Игорь Краснов информировал общественность — число выявляемых в стране коррупционных преступлений растет второй год подряд, причем внушительными темпами. По его словам, в 2019 году у чиновников изъяли неподтвержденного доходами имущества на 20 миллиардов рублей, что в 70 раз больше, чем в 2018 году, а число преступлений, связанных с «откатами» в сфере госзакупок, выросло за год на 74%.

Впрочем, и на второй взгляд она тоже выглядит довольно странно. Ведь Росфинмониторинг не так давно приводил тревожные цифры — общая сумма подозрительных банковских операций с маркировкой COVID в минувшем году потянула более чем на 34 млрд. рублей, а непосредственно похищено из бюджета Российской Федерации оказалось порядка 100 миллиардов рублей.

Казалось бы, в такой ситуации следовало бы ужесточить антикоррупционный контроль, тем более что сам глава государства Владимир Путин не далее как 3 марта призывал правоохранителей активнее выявлять хищение бюджетных средств, в том числе выделенных на борьбу с пандемией.

Однако складывается ощущение, что российская власть предпочла пойти другим путем, да не просто так, а еще и надавив при этом на административный акселератор. В то время, как иные законопроекты пролеживают под парламентским сукном годы, этот по всем звеньям бюрократической цепи прошел довольно быстро. Так, внесен он был 18

декабря прошлого года, ровно через месяц его рассмотрел Совет Государственной Думы, 17 февраля нынешнего года ответственный комитет рекомендовал принять его в первом чтении, что, собственно, и было сделано нижней палатой парламента 10 марта с.г.

Активные граждане в соцсетях уже высказывают предположения, что принятием такого закона власть оперативно отмазывает госслужащих, так или иначе имеющих доступ к контролю и распределению бюджетных средств по принципу «рука руку моет», и надо сказать, что выглядит это на фоне происходящего довольно логично.

Но, возможно, не посвященные в хитросплетения взаимоотношений членов вертикали власти граждане чего-то не понимают?

— Как автор законопроекта о ратификации 20 статьи Конвенции ООН о противодействии коррупции, я лично считаю, что это насмешка, — полагает доктор политических наук, секретарь ЦК КПРФ Сергей Обухов. — Я внес свой законопроект в Госдуму шестого созыва, а теперь подходит к концу уже седьмой, но до сих пор его отказываются рассматривать. А ведь он ключевой для выстраивания всей системы борьбы с коррупцией в России. Все, что принимается в антикоррупционной сфере без ратификации этого момента, не более чем паллиатив, сочинения, так сказать, «по мотивам».

Взять, например, положения о проверке деклараций сотрудников руководителями. Вы можете себе представить, чтобы, скажем, господин Сердюков дал команду проверить декларацию госпожи Васильевой? Ну, это же смешно.

Нынешний же законопроект о «нечаянной коррупции» вносит поправки аж в 26 федеральных законов. Вы представьте, насколько серьезной будет перестройка антикоррупционного законодательства? И это, вы поймите весь ужас ситуации, тогда, когда у нас есть, например, полковник-миллиардер Захарченко, есть полковник Черкалин, 12 миллиардов, есть экс-глава Росреестра, убежавший за границу. Это что, «нечаянная коррупция», что ли? Почему вместо повышения прозрачности у нас закрываются данные по силовикам?

Говорить о «нечаянной коррупции» в России все равно, что рассуждать о «случайном изнасиловании». Дескать, поскользнулся, упал, очнулся — случайно кого-то изнасиловал. Конечно, в самом законопроекте такого понятия нет, но общий смысл-то понятен. И в нынешнем виде он является просто открытой пощечиной общественному мнению, поэтому КПРФ его не поддерживает. Посмотрим, как власть и «Единая Россия» подадут его ко второму чтению. Однако, на мой взгляд, законопроект только усилит тревожную тенденцию — сокрытие информации о доходах силовиков, нератификация 20 статьи Конвенции ООН по противодействию коррупции, теперь вот освобождение от ответственности за взятки, которые «ветром надуло».